

*Посвящаю эту книгу моей матери —
Анастасии Трифоновне Талызиной*

Воспоминания — это волшебные одежды,
которые от употребления не изнашиваются.

Роберт Стивенсон. Остров сокровищ

Воспоминания действительно волшебные, прав Стивенсон! Потому что в них оживают люди, которых уже нет. Словно наяву я вижу их лица, слышу их голоса. И происходит чудо: останавливается время, ушедшее навсегда.

Эта книга — путешествие по островам памяти, населённым моими воспоминаниями.

Я вспоминаю. Мне хочется смеяться и плакать...

Потому что ничего уже нельзя ни исправить, ни изменить, ни вернуть. Ведь жизнь пишется только на бело...

Моя фамилия досталась мне от папы — Иллариона Талызина, и я никогда её не меняла, даже когда вышла замуж за художника Леонида Непомнящего. Вначале я её не очень любила: буква «ы» в середине казалась мне слишком жёсткой. Мне нравились фамилии Стрельская, Раневская. Они звучали очень романтично. Чуть позже я поняла, что папа подарил мне замечательную фамилию. А потом — она редкая, и её обладателя ни с кем не перепутаешь.

Моя дочка Ксения, естественно, была Непомнящей. Мне тогда и в голову не приходило, что еврейская фамилия может как-то навредить ребёнку.

С пяти лет мы готовили Ксюшу к поступлению в Центральную музыкальную школу. Я купила пианино, к нам домой ходил педагог. Но экзамен на подготовительное отделение она провалила. «Как же так? — приставала я к педагогу. — Вы же её так хвалили!» И услышала в ответ: «Мне кажется, это из-за её фамилии...»

Когда мы с мужем расходимся, я ему прямо заявила: «Мне ничего от тебя не надо, даже алиментов, вот только работать на твою еврейскую фамилию я не желаю!» Он ответил: «Пожалуйста!» И Ксюша стала Талызиной. Потом она вышла замуж и взяла фамилию своего мужа — Хаирова. А её дочка, моя любимая внучка Настя — Талызина.

Если заглянуть в глубину веков, то можно узнать, что Талызины — известный дворянский род, ведущий своё происхождение от татарского мурзы, которого звали Кучюк Тагалдызин. Он вышел из Орды в 1436 году и приехал в Муром к великому князю Василию Васильевичу (Тёмному). Затем этот мурза в крещении принял имя Иаков, а его фамилия Тагалдызин трансформировалась в более привычный русскому уху вариант.

Есть и другая версия происхождения нашей фамилии. Толызой на Руси называли большую дубину, оглоблю. Значит, кто-то из далёких предков отличался мощным телосложением.

В советские времена у меня был очень влиятельный однофамилец — Николай Владимирович Талызин, первый заместитель председателя Совмина и одно-

временно председатель Госплана. Многие думали, что мы с ним родственники и я — его протеже. А мы даже не были знакомы. Когда начинались разговоры на эту тему, я не спорила.

Мой тогдашний сосед по дому Яков Голяков (к сожалению, его уже нет) написал книжку «Галопом за ускакавшей натурой», и там есть такой эпизод: «Талина фамилия (Яша звал меня Таля) в застойные времена многих, кто с ней общался, с панталыку сбивала — товарищи просили у неё словечко за них замолвить. Считали, что однофамилец, который был на самом большом верху, — её сродственник, а Таля (на то она и народная артистка!) не то чтоб от просьб открещивалась, но умеючи уклонялась, поскольку там у неё, конечно, никого не было. Разубеждать, однако, не хотела — пускай себе думают...»

С Яшкой была гениальная история. Кто-то мне дал две кассеты с американским фильмом, где Аль Пачино сыграл полицейского, которого внедрили в банду убийц-гомосексуалистов. Сначала он отказывался, потому что был натуралом, но всё же ему пришлось выполнить задание. Фильм мне дали только на ночь. Советская действительность!

Так вот, в финале герой Аль Пачино становится гомосексуалистом. Я просмотрела раз, потом ещё раз, но никак не могла уловить, в какой момент полицейский превращается в гея.

Иду к Яшке, который знал английский, и говорю: «Яша, я не могу понять, когда он переходит эту грань?» Яша ответил: «Пойдём, посмотрим!» И мы с ним пошли ночью смотреть этот фильм про гомосек-

суалистов. Оба были молодыми, к тому же Яшка отличался такой любвеобильностью... Но мы честно смотрели фильм, и он мне сказал: «Так вот же, у него отец был таким, у него это сидело в крови!» Вроде как у него склонность к гомосексуализму имела наследственные корни и однажды она открылась.

До четырёх часов утра мы смотрели этот фильм. Потом смеялись, что вот дураки: смотрели фильм, а могли бы заниматься чем-то другим...

Его жена Лена работала в «Товарищ кино», очень любила артистов и никогда плохо ни о ком не говорила. Она всех мирила всегда и вообще была потрясающая. Яша, конечно, любил компанию, друзей, женщин и был безумно остроумным. Я с ними дружила. Потом Яша тяжело заболел, что-то случилось с горлом, была операция, вставили трубку...

Я себя помню с двух лет. Мы жили в Омске. У нас была маленькая кухонька и большая квадратная комната. Отец учился в Промышленной академии в Москве, и мы с мамой жили вдвоём.

В тот день мама куда-то ушла. А у нас почему-то собрались гости: мужчины и женщины. Сидели на нашей кухоньке, узкой и длинной, похожей на пенал и освещаемой одной тусклой лампочкой. Я закрываю глаза и вижу картинку: всё тонет в табачном дыму, видимо, гости курят и очень громко разговаривают. Они шутят, смеются. А я стою рядом за столом, который кажется мне очень высоким, потому что я до него не доставала.

Видимо, мама поручила меня какой-то женщине из числа гостей. На плите варились сибирские пельмени. До сих пор помню этот густой запах. Я стояла у стола и наблюдала, как женщина вытащила из кастрюли горячие пельмени, от которых шёл пар, и поставила на стол. Мне положили на блюде порцию пельменей, обмазанных горчицей. Я их, конечно, хватанула и тут же зашлась в крике, залилась слезами. А взрослые все захохотали, им было весело, что они добились своего. Я эти пельмени уже есть не могла, потому что во рту у меня всё горело. И меня, орущую, куда-то унесли, и потом пришла мама. Только тогда я успокоилась.

Своего деда по отцу я не помню, а мама его — моя бабушка Таня была из ссыльных поляков. Я её не видела, потому что она рано умерла. Она родилась в Се-

Мама обладала удивительной проницательностью: увидит человека и сразу скажет, что он собой представляет

мипалатинске. Её звали пани Галицкая. Она была чистая полька. Бабушкин отец был участником Польского восстания. После того как восстание было подавлено, поляков выслали в Казахстан и Западную Сибирь. Дети пани Галицкой — мой отец и его сестра — остались сиротами.

Мама вышла замуж за папу в Борисовском зерносовхозе. Говорили, что этот совхоз с хибарами барачного типа в тридцатые годы строили американцы, чтобы организовать образцовое хозяйство, которое будет давать рекордное количество пшеницы.

Мама работала в столовой, папа её увидел и влюбился с первого взгляда. Папа был очень красивый мужик — высокий голубоглазый шатен. Бабник, любимец женщин, с невероятной мужской харизмой. Папа имел удивительный подход к женщинам. Он располагал к себе какой-то трогательной наивностью. Может быть, это шло из его сиротского детства, не знаю, но в женщинах он, наверное, будил ещё и материнские чувства.

Папа был старше мамы на десять лет. Когда они встретились, он уже имел семью: жену Улю и дочку. Но папе его семейное положение никогда не мешало. Он был законченный, неисправимый ловелас.

У мамы с папой родился мальчик Лёня, и в три месяца он умер. Я всегда знала, что у меня мог быть старший брат.

Мама почему-то называла моего отца «дурнородый Талызин», хотя все папины женщины, а у него только официальных жён было не меньше трёх, звали его Серёжей. Наверное, он им так представлялся. Возмож-

но, это имя казалось отцу красивым и уж конечно, не таким замысловатым, как Илларион!

Когда папа учился в Промышленной академии в Москве, он оставался верен себе: закрутил роман с преподавательницей, но всё-таки в Барановичи, куда его направили после выпуска, вызвал законную супругу — мою маму. Подозреваю, что преподавательница отказалась уезжать из Москвы.

И мы с мамой отправились к отцу через полстраны из Омска в Западную Белоруссию. Тогда это называлось «присоединённые земли».

Мы поселились у поляков. Местные ненавидели коммунистическую власть, но свои чувства, естест-

Галактион И. С.

венно, не демонстрировали. Ненависть к Советам приходилось запрягивать как можно глубже, в самые потаённые уголки. Там она тихо тлела, редко прорываясь наружу.

В Барановичах папа работал начальником ОРСа, а мама заведовала кассой. Я знаю, что, когда подошли немцы и нам пришлось эвакуироваться, моя честная мама, настоящая комсомолка, ключ от кассы забрала с собой, а деньги не тронула. Тогда никто не мог подумать, что война растянется на целых четыре года. Мама наверняка верила, что немцев отобьют и она вернётся на своё рабочее место. Ей казалось, что всё это ненадолго...

Домики в Барановичах были устроены по типу западных, к каждому прилегал участок. Мы приехали ранней весной и остановились у поляков. Когда родители уходили на работу, я оставалась одна. Наверное, хозяева дома за мной немного присматривали. Однажды я отправилась на разведку. Пошла по нашему участку, заглянула на соседний. Навстречу вышла женщина. Спросила: «Кто ты, откуда?» — «Вот я с того участка». — «Ну, девочка, тогда заходи к нам». Я зашла. «Как тебя зовут? Как твоя фамилия? А, так вы недавно приехали? А что ты умеешь делать?»

Я устроила этим людям целый концерт: пела и танцевала. Они меня угощали чем-то вкусным, я там распушила хвост от похвал. И ещё что-то рассказывала о себе, о жизни в Сибири. Они мной восхищались, говорили: «Какая хорошая девочка». Потом меня проводили на наш участок.

Отец уже пришёл домой. И мама тоже вернулась с работы. Я, видимо, долго гастролировала. И отец сказал: «Ты ходишь по чужим дворам, к евреям». Поставил меня в угол. Я стояла в углу очень долго. И когда отец выходил из комнаты, я говорила: «Мама, прости меня, я больше не буду!» — «Но тебя же папа поставил в угол!» А почему-то у него я не хотела просить прощения. Упрямо стояла в этом углу, уже надо было спать ложиться, а я всё стояла, показывая характер, и не просила у отца прощения. А к тем людям, моим первым зрителям, я больше не ходила.

В Барановичах папа, естественно, опять влюбился. Его избранницей стала полька Зося, жена белого польского офицера, смазливая, молодая, на пятнадцать лет моложе отца. Думаю, что дело всё-таки было не в возрасте. Скорей всего, виновата папина влюбчивость, а может быть, его польские корни сыграли какую-то роль, но новому чувству он не смог противостоять.

Мама каким-то образом узнала про очередное увлечение своего благоверного. Наверное, ей кто-то рассказал, мир не без добрых людей, а может быть, отец сам признался, но сцена, которая случилась на моих глазах, врезалась в память на всю жизнь, хотя я была совсем маленькой четырехлётней девочкой: отец стоит на коленях, хватаясь за мамины ноги, и громко умоляет: «Ну, сделай так, чтобы я не пошёл к ней!» Но мама, гордая сибирячка, удерживать мужа не стала, отпустила на все четыре стороны. И как ни трудно ей пришлось впоследствии одной, она, по-моему, ни разу не пожалела о том, что не боролась за мужа и дала ему вольную...

Великая Отечественная война началась, когда мне было шесть лет. Войну мы ощутили буквально на второй день. Слишком близко она подошла. Нам надо было срочно эвакуироваться, потому что семью коммуниста немцы не пощадили бы. Я помню, как поляки сидели как приклеенные к радиорепродуктору и слушали речь Гитлера. Может быть, они понимали немецкий язык, а может — нет.

Мой отец ушёл к своей польке день или два назад, а возможно, даже в этот день, и мы с мамой остались одни. Железнодорожный узел был уже разбомблен, и мама бегала и искала машину или какую-нибудь подводу, чтобы эвакуироваться. Тогда, в моём детском возрасте, я, конечно, не понимала, что это было безумно трудно. И она ничего не нашла.

Мама вернулась ни с чем, а я сидела и слушала речь Гитлера из репродуктора вместе с поляками. Мама пришла и сказала: «Всё, я не нашла ничего». Она была смертельно усталая, в каком-то отчаянии. «Я остаюсь, — повторила мама, обращаясь к полякам. Что вам будет, то пусть и мне будет». И тогда поляки ответили: «Пани, мы вам должны сказать, что вам и нам будет разное. Немедленно уезжайте, бегите, ищите подводу, любой транспорт и скорее уезжайте отсюда, потому что вас ждёт другая участь».

Если бы они нас не предупредили, мы бы, наверное, остались в Барановичах и нашли бы там свою смерть. Потом мы узнали, что на следующий день там расстреляли всех жён и детей комиссаров на главной площади города. Мы чудом спаслись, нас с мамой успели эвакуировать в Сибирь к её сестре.

А тогда мама опять побежала искать машину. Не знаю, сколько времени она отсутствовала: час, два или три, но потом она нашла полуторку. Машина стояла возле дома. Мама спешно покидала что-то в чемодан, какие-то вещи из числа самых необходимых, схватила меня, видимо, взяла какую-то еду в дорогу, мы сели в полуторку и поехали.

Как-то миновали линию фронта. В полуторке были мамины сослуживцы. Мама — с этим ключом от кассы. Военные уже понимали, что происходит, они выходили из леса и кричали матом (мама мне закрывала голову и уши, чтобы я ничего не слышала): «Отдайте нам полуторку, нам нужен этот транспорт!» В машине были всего двое детей: я и ещё какой-то мальчик. И всякий раз, когда военные тормозили нашу несчастную полуторку, взрослые брали нас на вытянутые руки и говорили: «У нас дети!» Военные отвечали: «Чёрт с вами!» — и мы проезжали.

Мы приехали в Горки, и там нас бомбили, мы выпрыгивали из кузова, падали на землю. Помню, меня как-то прикрыл шофёр. Поразительно, но спустя годы, когда я уже стала актрисой, мне пришло письмо от этого человека, в котором он рассказывал, как всё это было. Конечно, я ему написала благодарственное письмо и, кажется, послала небольшие деньги.

В Горках мы сели на поезд. Ехали в теплушках. Там было много семей. Мы с мамой спали на полу, а столом нам служил чемоданчик. Сколько семей было в теплушке, я не помню, но там, что называется, плюнуть было некуда. Везде сидели, лежали люди. Женщины, дети, старики. Из Белоруссии до Омска мы

ехали целый месяц. И где-то на Урале, на какой-то станции, может, это был Свердловск или какой-то другой большой город, людей сортировали, кому куда ехать. Спрашивали: «Куда вы хотите?» И мама сказала, что у неё есть в Омской области сестра. «Вот к сестре и поезжайте!»

Нас посадили в другой поезд, и мы поехали в Сибирь. Я совсем не помню, чем мы питались в дороге. Почему-то этот момент стёрся из памяти. Но в памяти почему-то осталось, как мама на каждой станции вместе с другими женщинами из нашей теплушки бегала за кипятком.

Однажды они отстали от поезда. Я сидела на своей «кроватьи» и думала, что плакать бесполезно. Плачь —

Мне 4 года. Уже серьёзно смотрю на жизнь

не плачь, а слезами маму не вернёшь. Сегодня мне самой странно, что я в шесть лет уже была такой рассудительной девочкой.

Потом мама мне рассказала, что все отставшие женщины пошли к коменданту и устроили крик, что дети уехали, а они здесь... Их посадили на другой поезд, а наш остановили, и мама вошла в нашу теплушку уже через четыре-пять часов, уже к вечеру... Она спросила: «А ты плакала, Валя?» — «Нет, не плакала. Я подумала, а чего плакать-то, разве этим делу поможешь?..» — Мама улыбнулась: «Какая ты умная у меня!» И я удивилась, что она так сказала.

Мы приехали к тётё Кате. У тётё Кати не было своих детей, её мужа звали дядя Вася, их фамилия была Гречинские. Дядя Вася был из деревни Бугаёвки, куда переселились украинцы по реформе Витте. Тётя Катя была чистая украинка, очень трогательная. Такая тихая, скромная, ласковая женщина.

Мама сразу пошла работать, и когда её не было дома, я оставалась с тётёй Катей. Она всегда готовила какую-то украинскую еду: варенички, борщик. Вареники были с творогом или с картошкой.

Тётя Катя оставила глубокий след в моей жизни, я часто о ней думаю.

Я никогда никому не рассказывала, как мы жили в войну. Мы хлебнули лиха, как все. Но это было время моего детства, а в детстве всегда много красок.

Часто вспоминаю мою первую учительницу в сельской школе Борисовского зерносовхоза. Софья Мар-